

ИСТОРИЯ

УДК / UDC 340.13; 94(517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-8-21



**Суд и процесс в памятниках традиционного
монгольского права XVI–XVIII вв.
(опыт сравнительно-правового анализа)**

Роман Юлианович Почекаев¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(д. 17, ул. Промышленная, 198099 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и
истории права и государства



0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Почекаев Р. Ю., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются нормы памятников традиционного монгольского права XVI–XVIII вв., посвященные регулированию суда и процесса. *Цели и задачи исследования.* Целью исследования является анализ конкретных институтов процессуального права в позднесредневековой Монголии, а также их эволюции в течение рассматриваемого периода в разных регионах Монголии. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: 1) анализ норм процессуального права в монгольских правовых сводах конца XVI–XVIII вв.; 2) выявление сходств и различий в регулировании суда и процесса; 3) соотнесение содержания процессуальных норм исследуемых сводов с политической ситуацией; 4) прослеживание эволюции конкретных процессуальных институтов, проявившихся в этих памятниках, от более ранних к более поздним. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составили правовые памятники, представляющие собой позднесредневековые монгольские кодификации — «Уложение Алтан-хана» (Южная Монголия, ок. 1588 г.), «Восемнадцать степных законов» (Халха, конец XVI – начало XVII в.), «Их Цааз» (Джунгарское ханство, 1640 г., и указы Галдана Бошогту-хана 1670-х гг.), «Халха Джирум» (Халха, XVIII в.). При исследовании автор опирался на исторические и юридические методы — источниковедческий, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой. *Результаты.* Отмечается неравномерное развитие регулирования процессуальных отношений на разных этапах. Какие-то аспекты оставались без изменений в течение всего рассматриваемого периода, другие подверглись весьма значительным изменениям. Это нашло отражение также в большей или меньшей детализации разных норм, посвященных организации и деятельности судебных структур, методам и средствам получения доказательств и пр. *Выводы.* Значительные изменения в монгольском процессуальном праве, касающиеся статуса органов, осуществляющих правосудие, были связаны с

политическими процессами — централизацией власти в Джунгарском ханстве, адаптацией князей Халхи к новым условиям — зависимости от империи Цин. Именно в этом направлении были сосредоточены усилия законодателей — составителей анализируемых сводов. Практически неизменный набор доказательств, использовавшихся в традиционном монгольском суде, позволяет сделать вывод, что это направление во многом базировалось на нормах традиционного степного права и, соответственно, в меньшей степени привлекало внимание законодателей на предмет внесения изменений в действовавшие правоотношения.

Ключевые слова: Монголия позднего средневековья, Джунгарское ханство, Халха, Южная Монголия, традиционное монгольское право, суд и процесс

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Суд и процесс в памятниках традиционного монгольского права XVI–XVIII вв. (опыт сравнительно-правового анализа) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 8–21. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-8-21

Legal Procedure in the Monuments of Traditional Mongolian Law, 16th–18th Centuries: An Attempted Comparative Legal Analysis

*Roman Yu. Pochekaev*¹

¹ National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya St., St. Petersburg 198099, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Professor, Head of Department for Theory and History of Law and State

 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Pochekaev R. Yu., 2021

Abstract. Introduction. Mongolian codifications of 16th–18th centuries are considered to be sources of customary law. But their structure and content prove the opposite as they were results of law-making by rulers and contained different rules on status and credentials of authorities. One of such fields was legal procedure which becomes an object for analysis in this article. *Goals and Objectives.* The goal of our research is analysis of procedural institutions in Mongolian codifications and their evolutions from the 16th to the 18th century. To achieve this goal, one should analyze procedural rules in these codifications, find their common and specific features, correlate the content of codifications with political situation in Mongolia and, at last, trace the evolution of procedural institutions. *Materials and Research Methods.* The sources for research are late medieval Mongolian legal codifications: the Code of Altan Khan, ruler of Tumet in Southern Mongolia (c. 1588), Eighteen Steppe Laws established at conferences of Khalkha rulers between the 1580s and 1620s, ‘Ik Tsaaz’ (‘The Great Code’) issued at the Congress of Oirat and Mongol princes in 1640 with additional edicts of the Zunghar ruler Galdan Boshugtu Khan in the 1670s and, finally, ‘Khalkha Jirum’ (‘The Code of Khalkha’) issued from 1709 to 1770 by conferences of rulers of the Northern Mongolia. To study this documents a number of research methods were used, namely: source study, structure functional analysis, comparative historical research, formal legal approach, historical legal method and comparative legal analysis. *Results.* The legal procedure developed irregularly during the examined period. The status and credentials of

authorities in the field of justice were substantially changed from the 16th throughout the 18th century, and that was connected with political processes in Mongolia. In particular, with centralization of power in the Zunghar Khanate in the 17th century and adaptation of Khalkha rulers to new political realities under the suzerainty of the Qing Empire since the end of the same century. As for other procedural institutions, such as evidences and their search, those remained, in fact, unchanged. That could be explained by that the procedural institutions were closer connected with customary law, and Mongolian rulers did not pay attention to their adaptation to the current situation. *Discussion.* However, the article is no more than a problem setting, and advanced research should include sources which still are not introduced into the scientific circulation: Code of the League of Kuku-Nor (late 17th century), court practice cases in the ‘Ulaan Hatsart’ (‘Red Notebook’, 19th – early 20th centuries). Besides that, another kinds of sources should be kept in mind, e. g., Manchurian law for Mongols (‘Tsaajin Bichig’ of the 17th century and ‘Lifanyuan Tse-li’ – Code of the Qing Ministry of Foreign Affairs, late 18th – early 19th centuries), Kalmyk legislation of the 18th century, Buryat law of 18th–19th centuries. These sources could help understand which procedural institution in the law of Mongolic peoples were kept unchanged and which ones were results of reception from the Russian or Chinese law.

Keywords: late medieval Mongolia, Zunghar Khanate, Khalkha, Southern Mongolia, traditional Mongolian Law, legal procedure

For citation: Pochekaev R. Yu. Legal Procedure in the Monuments of Traditional Mongolian Law, 16th–18th Centuries: An Attempted Comparative Legal Analysis. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 8–21. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-8-21

Введение

Монгольские кодификации конца XVI–XVIII вв. нередко рассматривают как своды записей обычного права. Однако анализ их структуры и содержания убеждает в обратном: они однозначно представляли собой результат законотворческой деятельности (индивидуальной или коллективной) монгольских правителей соответствующего периода. На это указывает присутствие в данных правовых памятниках разделов, весьма скрупулезно регламентирующих те сферы правоотношений, которые были связаны со статусом и полномочиями органов власти и управления различных уровней. Не последнее место среди них занимает регулирование отношений, связанных с судебной деятельностью, т. е. процессуальное право. Именно нормы, регулирующие эту специфическую сферу, привлекли наше внимание, поскольку их содержание, внимание к отдельным аспектам и институтам процессуальных правоотношений в значительной степени отражает специфику исследуемых правовых сводов, их соответствие (или несоответствие) сложившейся политической и социально-экономической ситуации в разных регионах Монголии в период появления и действия указанных памятников права.

История вопроса

Исследователи традиционного монгольского права неоднократно обращались к вопросам, связанным с регулированием в них суда и процесса. Первые, правда очень краткие, характеристики подобного рода мы встречаем уже в первые десятилетия XIX в., в частности — в компиляции Г. И. Спасского, посвященной обзору монголов и помещенной в издаваемом им «Сибирь-

ском вестнике», а также в «Историческом обозрении ойратов» Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа) [[Спасский 1819: 46–47, 50–51, 55–56](#); [Бичурин 1991: 69, 109](#)]. Немногим более подробно правовой анализ подобного рода сведений был осуществлен и в последней четверти XIX в. российскими учеными — монголоведом К. Ф. Голстунским и правоведом Ф. И. Леонтовичем, впрочем, опиравшимися преимущественно на текст «Их Цааз» и более позднее калмыцкое законодательство [[Голстунский 1880](#); [Леонтович 1879](#)].

По мере введения в оборот более широкого круга источников исследователи стали более подробно характеризовать регулирование суда и процесса в юридических памятниках монголов. В первой трети XX в. появляется несколько обзорных работ, посвященных общей характеристике памятников монгольского права — это книги юристов Я. И. Гурлянда, В. А. Рязановского и Г. К. Гинса, в которых анализируются основные монгольские своды законов, а также некоторое внимание уделяется и содержанию процессуальных норм [[Гурлянд 1904: 81–82](#); [Рязановский 1931: 43, 44, 62–64](#); [Гинс 1932: 21](#)].

В советский период были введены в оборот новые переводы основных правовых памятников, на которых и современные исследователи основывают свои знания о традиционном монгольском праве — «Их Цааз» и «Халха джирум» [[Их Цааз 1981](#); [Халха Джирум 1965](#)].

С 1990-х гг. А. Д. Насилов работал с текстом правового памятника Халхи рубежа XVI–XVII вв., известного под названием «Восемнадцать степных законов», перевод которого он издал в 2001 г., снабдив подробным историко-правовым комментарием, обратив внимание и на процессуальные нормы [[Восемнадцать 2002: 86–88](#)]. Кроме того, в процессе работы с этим текстом он также опубликовал обзор процессуального права в памятниках XVII в. [[Насилов 1993](#)], который, несмотря на свою краткость, вероятно, следует считать первым специальным исследованием по данной тематике.

В 2011 г. опубликован русский перевод южно-монгольского правового памятника конца 1580-х гг. «Уложение Алтан-хана» на основе монгольской публикации Ш. Биры и его английского перевода [[Почекаев 2011](#)].

Из наиболее близких по тематике исследования работ также следует упомянуть труд Г. Ц. Пюрбеева, который осуществил детальный филологический анализ памятника «Халха Джирум», в том числе специально выделив раздел, посвященный судебной и процессуальной лексике [[Пюрбеев 2012: 28–31](#)].

Наконец, несколько лет назад вышла еще одна обзорная работа по историографии монгольского государства и права, подготовленная С. Ж. Дугаровой на основе ее же докторской диссертации¹. В ней также затронуты вопросы, связанные с проблемами регулирования процессуальных отношений в отдельных монгольских памятниках [[Дугарова 2016: 233](#)].

Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать, что исследователи обращались к проблемам регулирования суда и процесса в традиционных монгольских памятниках в двух основных вариантах. Первый состоял в исследовании конкретного памятника, и процессуальные нормы характеризовались специалистами в общем контексте содержания такого текста (К. Ф. Голстунский, Ф. И. Леонтович, А. Д. Насилов, Г. Ц. Пюрбеев). Второй

¹ Разбор достоинств и недостатков этого издания см. подробнее: [[Почекаев 2017](#)].

вариант представлял собой обзор различных памятников права, и исследователи так или иначе затрагивали, а нередко и просто упоминали, регулирование в них отношений суда и процесса (Я. И. Гурлянд, В. А. Рязановский, Г. К. Гинс, С. Ж. Дугарова).

Попыток сравнения различных памятников на предмет соотношения в них процессуально-правовых норм, насколько нам известно, специально не предпринималось. Единственное исключение — несколько публикаций российского востоковеда А. Ш. Кадырбаева, который провел сравнительный анализ памятников монгольского права — но не между собой, а с современными им казахскими правовыми сводами. Тем не менее некоторые его выводы представляются весьма интересными и полезными — в частности, об отражении процесса централизации власти в Джунгарском ханстве в организации судебной деятельности, а также в отношении сходных черт суда зайсанов у ойратов и биев у казахов [Кадырбаев 2016: 33; Кадырбаев 2017: 5].

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании предпринимается попытка анализа регулирования суда и процесса в ряде памятников традиционного монгольского права — «Уложении Алтан-хана» (ок. 1588 г.) [Почekaев 2011], «Восемнадцати степных законов (конец XVI – начала XVII в.)» [Восемнадцать 2002], «Их Цааз» (1640 г.) [Их Цааз 1981], «Халха Джирум» (XVIII в.) [Халха Джирум 1965]. Нашей целью является выявление норм и принципов монгольского процессуального права в каждом из них, сравнение их между собой и в итоге — общая характеристика этой сферы правоотношений в монгольских правовых реалиях XVI–XVIII вв.

Междисциплинарный характер исследования обусловил использование различных исторических и юридических методов. Источниковедческий метод позволяет провести общий анализ исследуемых исторических (историко-правовых) памятников, причин и обстоятельств их появления. Структурно-функциональный метод дает возможность понять особенности судебной деятельности органов власти и управления позднесредневековой Монголии. Сравнительно-исторический метод обеспечивает сопоставление условий принятия и действия конкретных исследуемых историко-правовых документов. Формально-юридический подход позволяет рассмотреть институты традиционного монгольского права в терминах и категориях современной науки права и процесса. Историко-правовой метод обеспечивает лучшее понимание специфики осуществления правосудия в Монголии XVI–XVIII вв. в конкретных политических и социально-экономических условиях. Сравнительно-правовой метод позволяет выявить общие и специфические черты правового регулирования суда и процесса в различных исследуемых юридических памятниках.

Суд и процесс в «Уложении Алтан-хана»

Обратившись к наиболее раннему памятнику из интересующих нас — «Уложению Алтан-хана», появившемуся в 1580-х гг. в южно-монгольской области Тумэт, мы с удивлением обнаруживаем, что в нем практически отсут-

ствуют нормы процессуального характера². Из 115 статей лишь две могут быть косвенно отнесены к сфере суда и процесса: ст. 1, предусматривавшая возможность полюбовного соглашения сторон в случае убийства, и ст. 70, в которой устанавливалась ответственность за ложные показания, если на их основании выносился обвинительный приговор. Как видим, даже в этих случаях процессуальные отношения не являются основным содержанием, а лишь дополняют нормы уголовно-правового характера.

Что могло послужить причиной отсутствия? Ею, в частности, могло стать то, что отражено в поддерживаемом рядом ученых (в том числе и Ш. Бирой) мнении, что Уложение стало кодификацией норм обычного права, и тогда становится понятным, почему в нем так много материальных норм, позволяющих разрешать спорные частноправовые вопросы и уголовно-правовые конфликты, но отсутствуют нормы, регламентирующие статус органов, к которым могли бы обращаться заинтересованные лица для их разрешения. Также не стоит забывать, что Уложение принималось в условиях, когда в Монголии существенно трансформировалась система власти и управления, связанная с принятием буддизма в качестве государственной религии, формировался особый статус буддийского духовенства, включая и его высшую иерархию³. Думаем, что в этих обстоятельствах сами законодатели не были уверены в том, в каком порядке и с участием каких представителей властей могут разрешаться споры. Соответственно, в текст правового свода были включены наиболее общераспространенные нормы, а все «подводные камни» (к каковым относился и судебный процесс) оказались за его пределами.

Процессуальное право в «Восемнадцати степных законах»

В следующем памятнике, «Восемнадцать степных законов», эта сфера регламентируется достаточно подробно. Причем если в одних законах процессуальным отношениям уделяется всего лишь один пункт, то в других они регулируются с гораздо большей степенью детализации. Большинство интересующих нас положений посвящено процедуре доказывания. Безусловно, главным доказательством являлось признание самого подозреваемого или обвиняемого, при этом, если он уже ранее был признан виновным, к нему применялись строгие санкции в случае отпирательства — штраф в количестве трех овец, а после вторичного — в виде лошади (VII⁴), арест на трое суток, после чего — также штраф в виде одной лошади, затем — 8 лошадей (XVII).

Группа статей посвящена статусу свидетелей, поскольку их показания являлись одним из наиболее распространенных и важных видов доказательств: свидетелям не разрешалось делать замечаний во время разбирательства (II, п. 3), убийство свидетеля являлось отягчающим обстоятельством, предусматривалась ответственность не только за его убийство, но и за покушение на

² Эта особенность такого, в общем-то, всеобъемлющего кодекса законов уже отмечалась исследователями [Почекаев 2011: 137–138; Дугарова 2016: 269].

³ Подтверждением этому служит практически одновременное с «Уложением Алтан-хана» появление так называемого «Закона Хутуктай-Сэчэна» и сочинения «Белая история» в редакции того же Хутуктай-Сэчэна-хунтайджи [Почекаев 2013; Почекаев 2019].

⁴ Здесь и далее в круглых скобках указывается номер закона (римскими цифрами) и/или отдельной статьи (арабскими цифрами), относящихся к анализируемому правовому памятнику.

такое (VIII, пп. 4, 5). Свидетеля во время процесса полагалось кормить (VIII, п. 6), что, видимо, должно было стимулировать очевидцев преступления к даче показаний в суде. Вместе с тем ряд норм предусматривал ответственность и самих свидетелей — за недостоверные показания в виде «девятки» (II, п. 3) и за клевету (XVI, п. 20).

В случае отсутствия или недостатка достоверных доказательств в монгольском суде достаточно широко прибегали к присяге. Сам памятник не содержит сведений о присяге, но о том, как она приносилась, сообщают путешественники. Например, Г. Н. Потанин сообщает, что «ставили два столба с перекладиной, на которую вешали: женские штаны, плеть, путы, череп человеческий и два камня — черный и белый, каждый весом в лан, завязанные в дабу; эта постройка называлась шокшиг» [Потанин 1881: 117]. Соответственно, если испытуемый проходил под перекладиной, не коснувшись ни одного из предметов, он считался невиновным. В противном случае его признавали виновным и штрафовали (II, п. 10; XIII, п. 3). Вообще, присяга использовалась довольно часто, и, как следствие, широко регламентировались случаи ее применения: так, свидетель мог присягнуть, что его пытались убить (VIII, п. 5), дарга приносил присягу в случае обвинения его подчиненных в краже лошадей (X, п. 1), шуленга — в том, что не было возможности воспрепятствовать бродячему скоту произвести потраву (XIII, п. 3), и пр. Естественно, в случае установления факта принесения ложной присяги такое лицо сурово штрафовалось.

Что касается других аспектов процессуальных правоотношений, то они практически не затронуты в этом законодательстве. Лишь в одном случае речь идет о подсудности дел: нойонов, затеявших ссору между собой или угнавших скот монахов, должны были судить соседние нойоны (XIV, п. 2). Это — отражение принципа суда равных, характерного для традиционных сословных обществ⁵.

Таким образом, «Восемнадцать степных законов» уделяют внимание доказательствам и процессу их получения, однако практически не содержат сведений об организации и деятельности органов, осуществлявших правосудие, что неудивительно. Во-первых, все эти законы принимались разными лицами и в разное время, соответственно, есть основания полагать, что они могли не распространяться на всю Халху. Во-вторых, они отражают процесс феодальной раздробленности Северной Монголии, в условиях которой четко определить статус тех или иных властных структур было попросту невозможно, а властные (и, соответственно, судебные) полномочия в своих владениях осуществляли представители феодальной знати.

Регулирование процессуальных отношений в «Их Цааз» и дополнениях к нему

Совершенно иная ситуация отражена в следующем анализируемом нами памятнике — своде законов «Их Цааз», принятом в 1640 г. и в дальнейшем широко применявшемся у ойратов и калмыков. Безусловно, ряд норм этого памятника во многом сходен с положениями «Восемнадцати степных законов»,

⁵ Этот принцип подчеркивается тем, что нойоны в данном случае не обязательно были носителями власти, а лишь лицами благородного происхождения [Скрынникова 2016: 164–165].

отличавшихся, разве что, некоторыми нюансами. Среди них, в частности, важность свидетельских показаний в случае изобличения вора (п. 101), спора о возвращении долга (п. 102), ответственность за клевету в суде (п. 157). Важность свидетельских показаний подчеркивается тем, что свидетеля в этом памятнике предписывается не кормить во время разбирательства, а награждать частью суммы иска — от девятка скота и более (п. 177). Сходны и положения, касающиеся присяги: присяга старосты (дарги) или шуленги по поводу украденного в их поселении скота (п. 101, 150), либо самого подозреваемого или его обвинителя (п. 170).

Сословный характер «Их Цааз» нашел отражение в пункте о том, что рабыня не могла выступать свидетелем — за исключением случаев, когда она приносила мясо и кости украденного животного (п. 169), т. е. не столько выступала свидетелем, сколько обеспечивала наличие «вещественных доказательств», которые в более ранних памятниках не фигурируют.

Однако обращает на себя внимание наличие в «Их Цааз» и особенно в дополняющих его двух указах Галдана Бошогту-хана 1670-х гг.⁶ гораздо более детальное регулирование статуса властных органов в суде и их процессуальных полномочий (см. также: [Насилов 1993: 39]). Так, п. 101 предусматривает проведение следственных действий в случае отсутствия свидетельских показаний по делу о краже скота, второй указ Галдана — по спорам между ойратами и мусульманами (п. 3), п. 181 — проведение обыска у подозреваемого и ответственность лиц, препятствующих этой процедуре. Согласно п. 180 «Их Цааз» и п. 9 первого указа Галдан-хана, в суде должны были присутствовать оба тяжущихся, за неявку после трех вызовов нарушитель штрафовался на одну лошадь.

В первом указе Галдан-хана также предписывается производить суд в определенном месте (п. 11): на основании свидетельств иностранных путешественников можно сделать вывод, что он осуществлялся при ставке либо руководителя местной администрации, либо самого хана (хунтайджи).

Указы Галдана также предусматривали ответственность самих судей: отстранение от обязанностей за трижды вынесенные неправильные решения (I, п. 13), принятие взятки, предусматривавшее возврат полученного, а в ряде случаев — и в двойном размере (II, п. 5).

Тот факт, что среди подданных ойратских монархов были не только ойраты-буддисты, но и мусульманские жители Восточного Туркестана и других регионов, нашел отражение в наличии местных судов, разбиравших дела, если спор возникал между жителями одного селения. Если же стороны представляли жителей разных селений или, тем более, одной из них был мусульманин, а другой — ойрат, то такое дело был подсудно уже «главным судом» («Ехэ дзарга») (II, п. 4, 6).

Вполне можно согласиться с мнением, что столь существенная регламентация статуса самих органов, осуществляющих правосудие в Джунгарском ханстве, отражает гораздо большую централизацию власти в этом государстве, развитость аппарата власти и управления и, соответственно, распространения процессуальных предписаний на всех подданных ойратских монархов [Злат-

⁶ Второй из этих указов точно датируется 1678 г.

кин 1983: 265; Кадырбаев 2016: 33]. Подобное регулирование, характеризующееся исследователями как четкое и однозначное, резко контрастирует не только с более ранними правовыми текстами — «Уложением Алтан-хана» и «Восемнадцатю степными законами», но и более поздним сводом «Халха Джирум».

Суд и процесс в Халха Джирум

Это неудивительно: ведь этот правовой памятник, подобно «Восемнадцати степным законам», не был сводом законов, составленным одним законодателем и единовременно — это сборник правовых предписаний, принятых в разное время и различными группами представителей халхаской знати. Многие процессуальные нормы в этом памятнике в значительной части являются рецепцией из более раннего законодательства, другие носят казуальный характер. Пожалуй, самым ярким примером последнего является самый последний из законов, вошедших в памятник: принцип опоры судей на собственное усмотрение базируется на конкретном деле — иске к некоему Цэвану по поводу заражения своим больным скотом стада Хамбо-номун-хан-ламы и вынесении по нему решения судом во главе с Тушэту-ханом в 1770 г. (XXIV).

Тот факт, что Халха в XVIII в. не являлась единым государством с законодательством, распространявшимся в равной степени на все население, находит отражение в присутствии специальных норм для разных социальных групп — нойонов и сайдов, монахов (и их различных категорий), харачу, албату и пр.

Любопытно, что в законах, принятых в более ранний период, больше внимания уделялось именно организации судебной деятельности и статусу лиц, осуществлявших правосудие. Вероятно, тем самым подчеркивалось понимание монгольской знатью наличия существенных пробелов в данной сфере правоотношений и намерение устранить их, что было особенно актуально в условиях выстраивания властных отношений в Монголии под маньчжурским сюзеренитетом. Достичь этого можно было, в том числе с помощью заимствований из джунгарского и, вероятно, маньчжурского опыта.

Так, был зафиксирован принцип беспристрастности судей (IV, ст. 54), скорее всего, позаимствованный из второго указа Галдан-хана, ответственность за рассмотрение дела судьей в состоянии алкогольного опьянения (IV, ст. 55). Судьям, принявшим дело к рассмотрению, предписывалось установить точное время разбирательства, что имело следствием ответственность за неявку на суд (IV, ст. 56). Также стали регламентироваться действия суда после вынесения решения: оценка благосостояния лица, проигравшего дело, для определения взимания с него судебных издержек и требование взимать эти издержки в казну государства или монастыря — в зависимости от подсудности дела (IV, ст. 57; VII, ст. 9).

Попытки ограничить самовластие нойонов, в том числе и в судебной сфере, нашли отражение в ст. 1 закона XIV 1709 г.: нойон, побивший своего подданного за провинность, а лишь затем подавший на него в суд, мог в случае победы рассчитывать лишь на половину обычного штрафа.

Многие положения, связанные с получением и оценкой доказательств, сохранились в неприкосновенном виде со времен еще «Восемнадцати степных

законов». Это статьи о свидетелях, их показания, вознаграждении им (VII, ст. 7), о присяге и ответственности, если она окажется ложной (IV, ст. 28; VII, ст. 11, XIII, п. 24). Любопытно, что присяга теперь могла приноситься не только в процессе разбирательства, но и по его итогам: приговоренный к штрафу имел право поклясться, что у него недостаточно скота для его уплаты (XIII, п. 24).

Вместе с тем некоторые нормы отражают переход к более развитым экономическим отношениям — вероятно, под китайским влиянием. Так, например, в случае поступления иска о займе судьям следует удостовериться, что сам договор был заключен в присутствии хана, шанзотбы или вана, иначе такое дело не принималось к рассмотрению по формальному признаку (XVIII, ст. 1).

Выводы

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод, что в течение XVI–XVIII вв. монгольское процессуальное право развивалось неравномерно. Наибольшим изменениям подверглись его положения, касавшиеся организации и деятельности судебных структур, статуса представителей власти, осуществлявших правосудие, их прав, обязанностей и ответственности. Изменение положений, касающихся организации судебной системы, свидетельствует о достаточно оперативном отражении в праве политических и властных процессов, происходивших в Джунгарском ханстве в XVII в. и в Халхе в XVIII в. Что же касается системы доказательств, их получения и оценки, то она на протяжении всего рассматриваемого периода остается практически неизменной. Вероятно, именно в этом аспекте монгольские законодательные своды опирались на обычное степное право, ставшее, по мнению ряда исследователей [Бичурин 1991: 69; Леонтович 1879: 18; Рязановский 1931: 41], основой для всех этих кодификаций⁷.

При этом джунгарское законодательство, несомненно, являлось более эффективным в силу своей единовременной разработки и принятия. Тогда как памятники права Халхи свидетельствовали, что даже в условиях институционализации системы власти и управления она так и не стала единым государством, соответственно, ее правители не сумели (а возможно, и не преследовали цель) разработать и внедрить единое процессуальное законодательство для всей Внешней Монголии.

Безусловно, проведенный анализ нельзя считать исчерпывающим — ведь речь идет только о немногочисленных правовых памятниках, введенных в русскоязычный научный оборот. Полагаем, что наше представление о регулировании суда и процесса могло бы быть расширено за счет пока еще не переведенных с монгольского языка памятников — таких, например, как «Свод законов чуулгана (сейма) Куку-Нора» (1685 г.) [Tsengel 2009], создателями которого стали хошоутские правители, близкие к монархам Джунгарского ханства, разработавшим «Их Цааз» и дополнения к нему, а также сборник судеб-

⁷ В дополнение можно отметить, что и маньчжуры, установившие с конца XVII в. контроль над Халхой, вероятно, не стремились изменить доказательственную систему в монгольском праве, поскольку эти же виды доказательств, в том числе и присяга, были широко распространены и в их собственном праве [Heuschert-Laage 2020].

ных постановлений «Улаан хацарт», при вынесении которых судьи опирались на «Халха джирум»⁸.

Также перспективным продолжением начатого исследования автор видит изучение особенностей регулирования суда и процесса, во-первых, в маньчжурском законодательстве для монголов — «Цааджин бичиг» (XVII в.) и «Лифаньюань цзе-ли» (конец XVIII – первая четверть XIX в.), во-вторых, в калмыцком законодательстве XVIII–XIX вв., правовых памятниках бурят в составе Российской империи. К числу важнейших вопросов в рамках таких исследований будет относиться степень заимствования норм, принципов, институтов, соответственно из процессуального права Цинской и Российской империй⁹ и соотнесения процессуальных норм этих источников права с соответствующими положениями монгольских правовых памятников, послуживших предметом настоящего анализа, который мы в значительной степени рассматриваем как постановку проблемы¹⁰.

Литература

- Бичурин 1991 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.
- Восемнадцать 2002 — Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. / пер. с монг., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 160 с.
- Гинс 1932 — *Гинс Г. К.* Монгольская государственность и право в их историческом развитии. Харбин: [б. и.], 1932. 53 с.
- Голстунский 1880 — *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1880. 182 с.
- Гурлянд 1904 — *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Типолитография Императорского ун-та, 1904. 112 с.
- Дугарова 2016 — *Дугарова С. Ж.* Историография монгольского государства и права (XIII – начало XIX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 332 с.
- Жамцарано, Турунов 1920 — *Жамцарано Ц., Турунов А.* Обозрение памятников писаного права монгольских племен // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Вып. 6. 1920. С. 1–13.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). 2-е изд. М.: Наука, 1983. 333 с.
- Их Цааз 1981 — Их Цааз («Великое уложение»): Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова М.: Наука, 1981. 147 с.

⁸ Впрочем, судя по характеристике «Улаан хацарт», данной Ц. Ж. Жамцарано и А. Н. Туруновым, а также Ш. Нацагдоржем, этот памятник содержал исключительно краткие версии судебных решений по конкретным делам, представлявшим интерес как прецеденты (удаа), так что он, скорее, может быть актуален в рамках изучения монгольского уголовного, а не процессуального права [Жамцарано, Турунов 1920: 2–3; Улаан хацарт 1961: 4–5 и след.].

⁹ Влияние ойратских законов 1640 г. на калмыцкое судопроизводство уже являлось предметом исследований [Команджаев 2004; Команджаев 2005].

¹⁰ Несомненно, большое значение может иметь также привлечение документов судебной практики монголов, в которой нашло отражение применение тех или иных положений процессуального права. Ярким примером подобного подхода являются, в частности, case-studies Ч. Р. Боудена [Bawden 1969a; Bawden 1969b].

- Кадырбаев 2016 — *Кадырбаев А. Ш.* Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // *Mongolica-XVII*: Сб. статей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. С. 30–34.
- Кадырбаев 2017 — *Кадырбаев А. Ш.* Правовые и культурные взаимосвязи калмыков Джунгарии и Поволжья, халхасцев с казахами: XVII–XVIII вв. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2017. Т. 33. № 5. С. 2–10.
- Команджаев 2004 — *Команджаев Е. А.* Судебный процесс в Калмыкии в XVII–XVIII вв. // *Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований*. 2004. № 2. С. 80–86.
- Команджаев 2005 — *Команджаев Е. А.* Монголо-ойратские законы 1640 г. как источник права калмыков XVII–XIX вв. // *Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований*. 2005. № 1. С. 122–130.
- Леонтович 1879 — *Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) // *Записки Императорского Новороссийского университета*. Т. XXVIII. 1879. Приложение. С. 1–282.
- Насилов 1993 — *Насилов А. Д.* Процессуальное право монголов в XVII в. // *История и культура народов Центральной Азии*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. С. 35–40.
- Потанин 1881 — *Потанин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах. Вып. 2. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. 181+87 с.
- Почекаев 2011 — *Почекаев Р. Ю.* Уложение Алтан-хана — монгольский правовой памятник второй половины XVI века // *Правоведение*. 2011. № 1. С. 119–139.
- Почекаев 2013 — *Почекаев Р. Ю.* Закон Хутуктай-Сэчена и особенности развития монгольского права на рубеже XVI–XVII вв. // *Правоведение*. 2013. № 1. С. 204–224.
- Почекаев 2017 — *Почекаев Р. Ю.* Рец. на: Дугарова С. Ж. Историография монгольского государства и права (XIII – начало XIX в.): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 332 с. // *Mongolica-XVIII*. 2017. С. 91–94.
- Почекаев 2019 — *Почекаев Р. Ю.* Политико-правовые взгляды Хутуктай-Сэчен-хунтайджи (По данным «Белой истории») // *Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов*. Сб. докл. III междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2017 г.). СПб.; Улан-Батор: [б. и.], 2019. С. 107–120.
- Пюрбеев 2012 — *Пюрбеев Г. Ц.* Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга: Эйдос, 2012. 270 с.
- Рязановский 1931 — *Рязановский В. А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 306+42 с.
- Скрынникова 2016 — *Скрынникова Т. Д.* Нойоны Халхи XVII в. // З. К. Касьяненко — учитель и монголовед: мат-лы Междунар. конф., посв. 90-летию российского монголоведа З. К. Касьяненко (г. Санкт-Петербург, 30 сентября – 1 октября 2015 г.). СПб.; Улан-Батор: ИВР РАН, ИЯЛ МАН, 2016. С. 160–168.
- Спасский 1819 — *[Спасский Г. И.]* Собрание сведений о Сибири и странах, сопредельных с оной // *Сибирский вестник*. 1819. Ч. 6. С. 45–84.
- Улаан хацарт 1961 — *Улаан хацарт / Хэвл. Ш. Нацагдорж (= Красная обложка / Изд. Ш. Нацагдорж)*. Ulanbator, 1961. 15+139 х.
- Халха Джирум 1965 — *Халха Джирум: Памятник монгольского феодального права XVIII в. / пер. Ц. Жамцарано, ред., введ. и прим. С. Д. Дылыкова*. М.: Наука, 1965. 340 с.

- Bawden 1969a — *Bawden C. R.* A Case of Murder in Eighteenth-Century Mongolia // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 32. No. 1. 1969. Pp. 71–90.
- Bawden 1969b — *Bawden C. R.* The Investigation of a Case of Attempted Murder in Eighteenth-Century Mongolia // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, University of London, Vol. 32. No. 3. 1969. Pp. 571–592.
- Heuschert-Laage 2020 — *Heuschert-Laage D.* The Role of Oaths in Seventeenth-Century Manchu-Mongolian Political Culture // *Mongolica*. T. XXIII. 2020. № 1. С. 10–17.
- Tsengel 2009 — *Tsengel H.* Kōkebayur-un čiyūlyan-u čayaja-yin bičig (= Свод законов Кукунорского сейма). Beijing: [s. n.], 2009. 521 kh.

References

- Bawden C. R. A Case of murder in eighteenth-century Mongolia. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1969. Vol. 32. No. 1. Pp. 71–90. (In Eng.)
- Bawden C. R. The investigation of a case of attempted murder in eighteenth-century Mongolia. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1969. Vol. 32. No. 3. Pp. 571–592. (In Eng.)
- Bichurin N. Ya. (Hyacinth). Historical Survey of the Oirats (or Kalmyks): From the 15th Century AD to the Present. Elista: Kalmyk Book Publ., 1991. 127 p. (In Russ.)
- Dugarova S. Zh. Historiography of the Mongolian State and Law: 13th – Early 20th Centuries. Ulan-Ude: Buryat State University, 2016. 332 p. (In Russ.)
- Gins G. K. Mongolian State and Law in Their Historical Development. Harbin, 1932. 53 p. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. Mongol-Oirat Laws of 1640, Additional Edicts of Galdan Hong Tayiji and Laws Established for Volga Kalmyks during the Reign of Kalmyk Khan Donduk-Dashi. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 182 p. (In Russ.)
- Gurlyand Ya. I. Steppe Legislation: From Ancient Times to the 17th Century. Kazan: Imperial Kazan University, 1904. 112 p. (In Russ.)
- Heuschert-Laage D. The role of oaths in seventeenth-century Manchu-Mongolian political culture. *Mongolica*. 2020. Vol. XXIII. No. 1. Pp. 10–17. (In Eng.)
- Ikh Tsaaz ('The Great Code'): A Monument of the 17th-Century Mongol Feudal Law. Dylykov S. D. (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka, 1981. 147 p. (In Russ.)
- Kadyrbaev A. Sh. Legislative and cultural relations of Kazakhs with Kalmyks of Dzungaria, Volga Kalmyks and Khalkha Mongols during the 17th–18th centuries. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Oriental Studies)*. 2017. Vol. 33. No. 5. Pp. 2–10. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-2-10
- Kadyrbaev A. Sh. Monuments of steppe legislation 'Jeti-Jargy', 'Ikh Tsaaz', 'Tsaadzhin Bichig' and cultural relations of Oirats, Kalmyks, Khalkha with Kazakhs during the Qing period. *Mongolica*. 2016. Vol. 17. Pp. 30–34. (In Russ.)
- Khalkha Jirum: A Monument of 18th-Century Mongolian Feudal Law. S. Dylykov (ed.), Ts. Zhamtsarano (transl.). Moscow: Nauka, 1965. 340 p. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Legal procedure in Kalmykia: 17th–18th centuries. *Vestnik Kalmytskogo instituta sotsial'no-ekonomicheskikh i pravovykh issledovaniy*. 2004. No. 1. Pp. 80–86. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Mongol-Oirat laws of 1640 as a source on 17th–19th century Kalmyk law. *Vestnik Kalmytskogo instituta sotsial'no-ekonomicheskikh i pravovykh issledovaniy*. 2005. No. 1. Pp. 122–130. (In Russ.)
- Leontovich F. I. Revisiting the history of law among non-Russians: the ancient Mongol-Kalmyk (or Oirat) Code of Penalties (Tsaajin Bichik). *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta*. 1879. Vol. 28. Supplement. Pp. 1–282. (In Russ.)

- Nasilov A. D. Procedural Law of Mongols in the 17th c. In: History and Culture of Central Asian Peoples. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 1993. Pp. 35–40. (In Russ.)
- Natsagdorj Sh. (publ.) The Red Cover. Ulaanbaatar, 1961. 15+139 p. (In Mong.)
- Pochekaev R. Yu. Code by Altan Khan — Mongol legal monument of the second half of the 16th century. *Pravovedenie*. 2011. No. 1. Pp. 119–139. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Book review: Dugarova S. Zh. Historiography of the Mongolian State and Law, 13th – Early 20th Centuries. Monograph. Ulan-Ude: Buryat State University, 2016. 332 p. *Mongolica*. Vol. 18. 2017. Pp. 91–94. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Political and legal views of Qutuqtai-Setsen Hong Tayiji (on a base of ‘The White History’). In: Cultural Heritage of the Mongols. Manuscripts and Archival Collections. Conference Proceedings (St. Petersburg; April 20–22, 2017). St. Petersburg; Ulaanbaatar, 2019. Pp. 107–120. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. The law of Qutuqtai-Setsen and specific features of development of the Mongolian law: late 16th – 17th centuries. *Pravovedenie*. 2013. No. 1. Pp. 204–224. (In Russ.)
- Potantin G. N. Essays on Northwestern Mongolia: Summarizing Results of the 1876–1877 Trip. Vol. 2: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1881. 181+87 p. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. ‘Khalkha Jirum’: A Monument of 18th-Century Mongolian Law. Vocabulary, Grammar, Transliterated Text. Moscow; Kaluga: Eydos, 2012. 270 p. (In Russ.)
- Ryazanovsky V. A. Mongolian Law, Predominantly Customary One. Harbin: N. Chinarev, 1931. 306+42 p. (In Russ.)
- Skrynnikova T. D. The noyons of Khalkha, 17th century. In: Z. K. Kasyanenko – the Teacher and Mongolist. Conference Proceedings (St. Petersburg; September 30 – October 1, 2015). St. Petersburg; Ulaanbaatar, 2016. Pp. 160–168. (In Russ.)
- Spassky G. I. (comp.) Collected materials on Siberia and neighboring territories. *Sibirskiy vestnik*. 1819. No. 6. Pp. 45–84. (In Russ.)
- The Eighteen Steppe Laws: A Monument of the 16th–17th Century Mongol Law. A. Nasilov (transl.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 160 p. (In Russ.)
- Tsengel H. The Legal Code of Kokenuur League. Beijing, 2009. 521 p. (In Mong.)
- Zhamtsarano Ts., Turunov A. Written law of Mongolian tribes: a survey of monuments. *Sbornik trudov Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta*. 1920. No. 6. Pp. 1–13. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. A History of the Zunghar Khanate: 1635–1758. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 333 p. (In Russ.)